

Вячеслав Иванов

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В ЭТОМ году, 28 февраля по новому стилю, исполнится столет со дня рождения Вячеслава Иванова, игравшего в свое время первенствующую роль в литературных кругах Петербурга.

Происходившие у него на квартире, в первом этаже дома на Таврической улице, на так называемой «Таврической башне», собрания были известны всему литературному миру.

Почти все поэты того времени — К. Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Ф. Сологуб, М. Кузьмин, А. Блок, С. Городецкий, Максимилиан Волошин, Н. Гумилев, Анна Ахматова, наезжавшие в Петербург из Москвы В. Брюсов, Андрей Белый и многие другие постоянно бывали на «Башне».

Эти собрания являлись как бы верховным судилищем для поэтов, участвовать в них считалось большой честью, а одобрение или неодобрение являлось безапелляционным приговором.

Вячеслав Иванов царил, как верховный судья поэзии, его суждение создавало и разрушало репутации.

— «Когда дело касалось поэзии», — говорит в своей книге «Портреты современников» Сергей Маковский, — «он чувствовал себя неизменным предводителем хора... И наружность его вполне соответствовала взятой им на себя роли. Золотистым

ореолом окружали высокий, рано залысевший лоб пушистые, длинные до плеч волосы. В очень правильных чертах лица было что-то рассеянно — пронзительное. В манерах изысканная предупредительность граничила с кокетством. Он привык говорить сквозь улыбку, с настойчивой вкрадчивостью. Высок, худ, немного сутул... Ходил мелкими шагами. Любил показывать свои красивые руки с длинными пальцами».

Собрания на «башне», по свидетельству Сергея Маковского, «превратились осенью 1909 года, когда Вячеслав Иванов перенес их, придав им характер более профессионально поэтический, в помещении редакции «Аполлона», на заседания Общества ревнителей художественного слова».

Но вскоре, в 1910 году, «из-за востановившей на символизм молодежи, с Гумилевым и Городецким во главе», основанными «Цех поэтов», начался спор между символистами и объединившимися вокруг Гумилева «акмеистами», и символизм стал клониться к упадку.

Но вернемся к 1903 году.

Вячеслав Иванов появился в литературных тогдашних кругах уже вполне сложившимся человеком и поэтом.

Он был ученым, учеником знаменитого Вилламовича, филологом, эллинистом, гетанцем, философом и поэтом-символистом.

Эрудиция его была огромна, но помимо эрудиции, у Вячеслава Иванова был дар интуитивного прозрения, интуитивного проникновения в древность, особенно эллинскую, ему столь близкую.

Эллинская религия страдающего бога, Дионисийские мистерии он хотел связать с христианством, с идеей соборного действия, поднимаясь для этого на самые головокружительные метафизические высоты.

Он мечтал, как и подобало тогда поэту-символисту, о создании соборного экстатического действия.

Его блестящие изыскания «Эллинская религия страдающего бога» печатались в «Новом пути» (1904) и в «Вопросах жизни» (1905).

Вячеслав Иванов развивал идею о происхождении религии из организма, из экстатических состояний души.

По его мысли, в озарении оргастической Дионисийской религии весь мир принимает обличье страдающего бога.

— «Дионисийский восторг», — писал он, — «есть единственная сила, разрешающая пессимистическое отчаяние; через страдание и жертву человек приходит к воскресению в новую жизнь».

«Вячеслав Иванов», — говорит Сергей Маковский, — «как многие поэты-символисты того времени, был эзотериком, и глубже был, последовательнее, наверное, чем Брюсов, Андрей Белый или Максимилиан Волошин».

Поэзия символистов искала выхода в мистике посвященного знания. Она тяготела к своего рода жречеству, не литературному только, а действительному.

Поэты зачисляли себя в ряды —

кто масонов, кто штейнеровцев, кто мартинистов.

Вячеслав Иванов несомненно принадлежал к одному из тайных обществ, когда сблизила нас общая работа в «Аполлоне». Он вернулся из Италии, насыщенный образами античных мифов и всем миросозерцанием, связывающим их с пифагорейцами, орфиками, посвященными в Элевзинские таинства... Вячеслав Иванов поклоняется Озирису и Вакху, знает наизусть темплиера Данта и розенкрейцера Гете».

Поэзия Вячеслава Иванова, так же как он сам, предстала перед нами вполне сложившейся.

Он вошел в круг петербургских поэтов как вполне законченный мастер, владеющий стихом с изысканной виртуозностью.

Его стихи, звучные, отчеканенные, его пафос, несколько торжественный, пристрастие к трудным и сложным оборотам речи, к редким словам и некоторый холодок, которым порой веяло от всего этого великолепия, производили двойственное впечатление.

Нельзя было не признать в нем крупного и оригинального поэта, большого мастера; но в то же время трудно было до конца поддаться очарованию его поэзии.

В. Иванова упрекали в книжности, в излишней сложности, но, вернее всего, главный недостаток стихов В. Иванова был в их абстрактности, в их отвлеченности от простых человеческих чувств.

В. Иванову мешали те высоты, с вершин которых он смотрел на все, те его чрезвычайно важные и интересные прозрения философского порядка, ради которых он ни за что не согласился бы спуститься с этих вершин.